

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН ЛЕКСИКИ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ В РЕЧИ ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ

В статье используются результаты психолингвистического эксперимента, анализируется коммуникативно-прагматический потенциал лексических единиц русского и белорусского языков, возможности функционирования их в речи билингов: прослеживаются особенности восприятия билингвами содержательной стороны разнокорневой лексики, анализируются явления межъязыковой интерференции среди данной группы слов, а также проверяется на исследуемом материале гипотеза о том, что соответствия в языке не всегда тождественны соответствиям в речи.

Введение

В современной лингвистике существует область отношений между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве. В процессе исторического развития русского и белорусского языков произошло размежевание лексико-семантических систем этих языков, каждая из которых имеет свои особенности. Отличие, специфику языков с точки зрения формы и содержания подчеркивают *лексические лакуны, паралексы и гетеролексы*, обладающие уникальной способностью к накоплению в речи носителей. С их усвоением связано детальное изучение всей лексической системы, а значит, в целом изучение белорусского языка русской частью населения и русского языка теми, у кого родным языком является белорусский. Однако данная лексика недостаточно широко представлена в современных исследованиях, а с позиций коммуникативно-прагматического подхода практически не изучалась. Исключение может составить комплексное исследование лексических лагун, в том числе и в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Актуальность исследования определяется растущим интересом лингвистов к коммуникативно-прагматическому потенциалу лексических единиц в русском и белорусском языках, к возможностям функционирования их в речи билингов, ведь «реальная жизнь языка проявляется только через индивида; язык реально живет тогда, когда он присваивается субъекту, который говорит на нем» [1, с. 39].

Основная часть

Разнокорневую лексику мы выявили путем сплошной выборки из двуязычных словарей (Русско-белорусского словаря 1991, 1994 гг. издания, Белорусско-русского словаря 1988 г. издания), констатировали факт их наличия, проана-

лизируют формы выражения и семантику. Однако указанные словари не фиксируют все контекстуальные условия функционирования номинативных единиц, не показывают реальные возможности употребления гетеролекс и лексических лагун. Чтобы выявить восприятие и употребление разнокорневой лексики носителями русского и белорусского языков, был проведен *психолингвистический эксперимент* (май – июнь, 2010 г.). “Если мы хотим должным образом охарактеризовать семантический узус, принятый в каком-либо языковом коллективе и принадлежащий к описываемому нами языку, это следует делать отнюдь не с помощью физического описания вещей; напротив, это можно сделать, лишь прибегнув к коллективным оценкам, принятым в данном коллективе, т.е. к социальному мнению”, – справедливо заметил Л. Ельмслев [2, с. 117].

Выбор разновидности эксперимента обусловлен самим фактическим материалом. Разнокорневая лексика выявляется в результате сопоставления двух языков, а ведь именно при переключении с одного языка на другой могут возникнуть проблемы, связанные с существованием данного вида лексики. Перевод имитирует процесс двуязычной коммуникации: сначала билингв декодирует текст на одном языке, затем кодирует его на другом. Такой вид эксперимента дает возможность получить представление о том, как респонденты владеют устной речью. Для точной передачи какого-нибудь содержания билингв пытается выбрать такие средства, которые, на его взгляд, наиболее точно соответствуют определенным коммуникативным целям.

Считается, что всякий текст коммуникативен, то есть содержит некоторое сообщение, передаваемое от источника к респонденту, какие-то сведения, которые должны быть извлечены из сообщения респондентом, поняты им. Воспринимая полученную информацию, респондент тем самым вступает в определенные личные отношения к тексту, называемые прагматическими отношениями. Такие отношения могут иметь различный характер. Они могут иметь преимущественно интеллектуальный характер, когда текст служит для респондента лишь источником сведений о каких-то фактах и событиях, его лично не касающихся и не представляющих для него большого интереса. В то же время полученная информация может оказать на респондента и более глубокое воздействие: может затронуть его чувства, вызвать определенную эмоциональную реакцию, побудить к каким-то действиям. Текст способен производить определенный коммуникативный эффект, вызывать у респондента прагматические отношения к сообщаемому, то есть осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации.

Психолингвистический эксперимент ставил перед собой цель:

- проследить особенности восприятия билингвами содержательной стороны разнокорневой лексики;
- выявить уровень восприятия разнокорневой лексики билингвами в зависимости от степени частотности этих единиц в речи;
- проанализировать явления межязыковой интерференции среди данной группы лексики;
- проверить на исследуемом материале гипотезу о том, что соответствия в языке не всегда тождественны соответствиям в речи.

В качестве информантов было привлечено 80 человек (студенты второго курса педагогического факультета Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова дневной и заочной форм обучения). Эксперимент проводился в рамках дисциплины по выбору “Омолексы, паралексы, гетеролексы в языке и в речи” и дисциплины “Культура речи”, ориентированных на расширение и углуб-

ление общеязыковой подготовки студентов, обобщение и систематизацию теоретических и практических знаний по русскому и белорусскому языкам.

Фактический материал эксперимента – 40 предложений для перевода, в состав которых входит разнокорневая лексика. Отбор лексики проводился по степени употребительности в речи (наиболее, менее и малоупотребительные слова) и частеречной принадлежности (в анкетах присутствовали все части речи). Условие эксперимента: перевести предложения с белорусского языка на русский.

Для нас важно было проанализировать, насколько правильно билингвы трансформируют гетеролексичную форму и какие типичные нарушения этой формы возникают при переводе. Данные эксперимента показывают, что при переключении информантов с белорусского языка на русский разнокорневая лексика представляет собой серьезную проблему для многих из них. Не вызывают трудностей только хорошо известные, часто встречающиеся в повседневной речи слова. Информанты хорошо сохранили в памяти нужную форму, соответствующую содержанию, что привело к положительным результатам.

Слова, которые правильно перевели свыше 50% респондентов: *чырвоны* – красный (100%); *заўсёды* – всегда (100%); *час* – время (100%); *ведаць* – знать (100%); *увага* – внимание (96%); *кішэня* – карман (92%); *праца* – работа (92%); *з адказнасцю* – с ответственностью (88%); *вокладка* – обложка (88%); *гаспадыня* – хозяйка (88%); *абавязкі* – обязанности (86%); *друкарскі* – печатный (85%); *адносіны* – отношения (85%); *сумленне* – совесть (81%); *пачуццё* – чувство (79%); *сумны* – грустный (79%); *коўдра* – одеяло (78%); *без лаянкі* – без ругани (78%); *патэльня* – сковорода (75%); *прывабіла* – привлекла (73%); *леташняя* – прошлогодняя (69%); *патух* – погас (69%); *кіраўнік* – руководитель (67%); *прабачце яму* – простите его (63%); *канюшына* – клевер (63%); *пасада* – должность (61%); *папучынае* – крысиное (58%); *пасадавыя* – должностные (56%); *тытунь* – табак (52%); *снеданне* – завтрак (52%); *злодзей* – вор (52%).

Однако в ряде случаев респонденты не улавливают семантических и стилистических оттенков используемых ими слов в близкородственных языках, не фиксируют некоторые внешние расхождения, что приводит к межязыковой интерференции, к снижению речевой культуры.

Слова, которые правильно перевели менее 50% респондентов: *страўнік* – желудок (48%); *пазяхалі* – зевали (48%); *блукаць* – плутать (45%); *журавінавае* – клюквенное (42%); *дакор* – упрек (38%); *карункі* – кружева (31%); *пісьменнасць* – грамотность (25%); *наўмысна* – нарочно (17%); *правадыр* – вождь (15%); *калядныя* – рождественские (15%); *вісок* – скрость (15%); *прамоўца* – оратор (15%); *заручыны* – помоявка (15%); *маёмасны* – имущественный (11%); *сподак* – блюдец (8%); *крэсіва* – огниво (6%); *заляцаецца да* – любезничает с (6%); *образлівы* – оскорбительный (6%); *засмуціла* – опечалила (4%); *лемантавала* – вопила (2%); *пагарда* – презрение (2%); *заставалася ўдавой* – вдовствовала (2%); *у карак* – взащей (2%); *дарэмна* – впустую (2%); *бавіць час* – убивать время (2%); *каплічны крыж* – часовенный крест (2%).

На наш взгляд, есть несколько причин низкого процента правильности переводов данных слов: незнание способов передачи лексической семантики слов, расхождения в объеме значений слов и их смысловой структуры в русском и белорусском языках. Интерференционные речевые ошибки, допущенные информантами при переводе, обладают различной степенью устойчивости. Охарактеризуем наиболее типичные из них (сохраняется орфография слов, предложенная информантами).

1. Нарушение лексических норм: *страўнік* – *стравник* (прав. желудок); *пісьменнасць* – *письменность* (прав. грамотность); *калядныя* – *колядные* (прав. рождественские); *хата* – *хага* (прав. дом); *злодзей* – *злодей* (прав. вор); *канюшына* – *канюшина* (прав. клевер).

Билингвы, затрудняясь с переводом белорусского слова, часто переоформляли гетеролексичную форму в несуществующий омолекс / паралекс по фонетико-графическим, орфографическим законам русского языка. В русской речи белорусизмы являются наиболее распространенными речевыми погрешностями. Под *белорусизмом* мы понимаем слово, заимствованное из белорусского языка или созданное по образцу белорусских слов или выражений. Респонденты, для которых родным языком является белорусский, при переводе на русский язык достаточно часто употребляли вместо слова *клевер* – *канюшина*, вместо *рождественский* – *колядный*, вместо *дом* – *хата*. За таким переводом, на наш взгляд, прослеживается национальная идентификация информантов: принадлежность к белорусской национальности.

2. Нарушение семантических норм. Под *семантической эквивалентностью* мы понимаем установление набора свойств, признаков, черт, характеристик языковых единиц, в которых может быть обнаружена межъязыковая семантическая общность.

2.1. Неверный перевод словом из одной лексико-семантической группы: *скронь* – *челюсть*, *веко* (прав. висок); *сподак* – *банка*, *тарелка*, *миска*, *кувшин*, *кубок* (прав. блюдце); *снеданне* – *обед*, *ужин* (прав. завтрак); *патэльна* – *противень* (прав. сковорода); *журавінавае варэнне* – *брусничное*, *голубичное*, *смородиновое*, *земляничное*, *клубничное*, *ежевичное* (прав. клюквенное); *каплічны крыж* – *церковный* (прав. часовенный); *паучынае гняздо* – *мышинное*, *поросычье*, *гнездо кролика*, *зайца*, *дятла* (прав. крысиное гнездо); *друкарскі станок* – *столярный*, *ткацкий* (прав. печатный станок). Примеры демонстрируют, что неподходящий по семантике эквивалент порождает гетеросемию – смысловую неадекватность.

2.2. Использование в качестве перевода одного из межъязыковых паронимов: *засмуціла* – *смutilа* (прав. огорчила); *карункі* – *коронки* (прав. кружева); *правадыр* – *поводырь* (прав. вождь); *леташняя* – *летняя* (прав. прошлогодняя); *журавінавае* – *журавлиное* (прав. клюквенное); *абразлівы* – *безобразный* (прав. оскорбительный); *гаспадыня* – *госпожа* (прав. хозяйка). Внутриязыковая паронимия приводит к речевым ошибкам вследствие недостаточно четкого разграничения значений внешне схожих слов, а межъязыковые паронимы служат потенциальным источником реальной интерференции в речи билингвов.

2.3. Использование в качестве перевода одного из межъязыковых паронимов: *пацук* – *паук* (прав. крыса); *крэсіва* – *крест* (прав. огниво); *коўдра* – *кофта* (прав. одеяло); *правадыр* – *проводник* (прав. вождь); *пасада* – *палата* (прав. должность). Столкновение в речи межъязыковых паронимов порождает комизм контекста, а приведенные примеры убедительно это иллюстрируют.

2.4. Перевод словом с другой мотивацией: *страўнік* (прав. желудок) – *повар* (перевод осуществлялся под влиянием белорусского слова *страва*); *страўнік* (прав. желудок) – *лекарь* (перевод осуществлялся под влиянием русского слова *травник*). В некоторых случаях, затрудняясь с переводом, респонденты частично калькировали белорусскую форму, не обращая внимание на семантику переводного эквивалента: *прамоўца* (прав. оратор) – *прорицатель*, *просветитель*; *пагарда* (прав. презрение) – *похвала*; *наўмысна* (прав. нарочно) – *без умысла*.

3. Нарушение стилистических норм. При переводе с белорусского языка на русский нами отмечены слова, которые обладают некоторой общностью значе-

ния, однако относятся к разным функциональным стилям: *заяцаецца да* – подкатывает к, увивается за (прав. любезничает с), *правадыр* – лидер, *главарь* (прав. вождь), *прамоўца* – говорильщик (прав. оратор).

3.1. Перевод разговорно-просторечным словом: *амаль* – прямо (прав. почти), *дарэмпка* – просто так, попусту, без толку (прав. впустую); *у карак* – в шею (прав. взашей); *лаянка* – ругня (прав. ругань); *патух* – потух (прав. погас).

3.2. Перевод диалектным словом: *заручыны* – сваты, *сговоры*, *обручение* (прав. помолвка); *снеданне* – утренник (прав. завтрак). При переводе с белорусского языка на русский респонденты меньше употребляют диалектных слов, чем при аналогичном переводе с русского языка на белорусский. Несмотря на этот факт, можно утверждать, что наличие подобных диалектных форм есть результат воздействия на русскую речь белорусов, их родного языка, а также и того, что большая часть информантов – выходцы из сельской местности, а следовательно, их родным языком является тот или иной местный говор. Эти причины оказывают влияние на стилистическую адекватность воспринимаемого текста. Респонденты не воспринимают диалектизмы как неправильность, поэтому такая лексика функционирует в их русской речи на правах вариативной нормы.

3.3. Перевод гиперонимом: *сподак* – посуда (прав. блюдо); *тытунь* – трава, растение (прав. табак); *снеданне* – еда (прав. завтрак); *журавінавае варэнне* – ягодное варенье (прав. клюквенное). Как видим, билингову иногда легче осуществить перевод, опираясь на какие-то общие признаки слова, то есть при помощи слова с более широким значением.

3.4. Калькирование. Информанты осуществляли правильный перевод словообразовательной структуры слов при неточном стилистическом выражении этого перевода: *доўгі час яна заставалася ўдавой* – долгое время она оставалась вдовой (прав. вдовствовала). Наличие подобных калек при переводе говорит о том, что информанты запрограммированы на пословный перевод и не задумываются, что в одном из языков может наблюдаться словообразовательная недостаточность, которая связана с существованием лексических лакун: *ружовіць* – окрашивать в розовый цвет, *недачуваць* – плохо слышать.

3.5. Перевод словом того же семантического поля: *прывабіла* – заинтересовала, обратила (прав. привлекла); *пасада* – пост, место (прав. должность); *сумны* – печальный, тоскливый (прав. грустный); *дарэмпка* – зря, напрасно, бесцельно, бессмысленно (прав. впустую); *бавіць час* – проводить, тратить, терять, использовать время (прав. убивать время); *без лаянкі* – без ссор, без скандала, без крика, без раздоров (прав. без ругани); *наўмысна* – специально, умышленно, осмысленно, обдуманно, (прав. нарочно); *пасадавы* – служебный (прав. должностной); *засмуціла* – огорчила, расстроила (прав. опечалила); *маёмасны* – собственный, хозяйственный, частный, денежный (прав. имущественный); *лемантавала* – кричала, голосила, причитала, ругалась, горлопанила, скулила (прав. вопила); *пагарда* – обида, недовольство, неприязнь (прав. презрение); *абразлівы* – непристойный, пошлый, стыдный (прав. оскорбительный).

Лексико-стилистические неточности, допущенные респондентами при переводе, как правило, не нарушают смысловую адекватность высказывания, но влияют на правильность экспрессивно-эмоциональной оценки.

Появление некоторых переводов в редких случаях объяснить очень трудно: *у скронь* – в цель, в щит, в центр, в окно, в мишень, в дверь, в броню, в сторону (прав. в висок); *у карак* – в корень (прав. взашей); *пагарда* – поздравление, соболезнование (прав. презрение).

Заклучение

Эксперимент показал, что при переводе с одного языка на другой разнокорневая лексика представляет собой серьезную проблему. Респонденты в неодинаковой степени (плохо или хорошо) владеют близкородственными языками, обладая индивидуальными способностями к их изучению. Интенсивность интерференционных ошибок зависит от многих факторов: образовательного уровня, творческой одаренности, национальности, возраста, языкового окружения респондента и ряда других причин. Как показывают данные эксперимента, наиболее широко в речи билингов представлена лексико-семантическая и лексико-стилистическая интерференция. Эксперимент выявил уровень восприятия разнокорневой лексики носителями близкородственных языков в зависимости от степени частотности этих единиц в речи: чем выше частотность данной лексики в речи, тем выше уровень ее правильного восприятия. Эксперимент выявил также большое количество контекстуально правильных переводов (в состав которых входит разговорно-просторечная, диалектная лексика белорусских регионов), не фиксируемых в Русско-белорусском словаре 1994 г. и в Белорусско-русском словаре 1988 г. Конечно, в любом переводе есть некоторая доля субъективизма. Можно с уверенностью говорить, что не существует нескольких абсолютно одинаковых переводов одного и того же текста. Целью нашего эксперимента была прежде всего оценка точности перевода разнокорневых соответствий в близкородственных языках. Он подтвердил, что переводные словари часто содержат лишь часть тех средств, которые используются в речи, причем не всегда коммуникативно актуальных.

Использование данной методики при изучении реального функционирования разнокорневых коррелятов в близкородственных языках представляется нам актуальным и перспективным во многих областях языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
2. Ельмслев, Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике : сб. ст. ; сост. В.А. Звегинцев. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – Вып. 2. – С. 117–136.